

29 июня 1980

75 июля — Всесоюзный Некрасовский праздник поэзии в Карабихе

«...Всему начало здесь, в краю моем родимом!» — писал замечательный русский поэт Н. А. Некрасов в стихотворении «Родина» о близких сейчас сердцу каждого ярославца местах. Грешнево. Здесь сложились многие привычки и увлечения поэта, которые он пронес через всю свою жизнь.

На снимках: дом-музей поэта в Грешневе; живописные окрестности Карабихи.

Фото А. Скворцова.

Отрывок из книги «Некрасов и земля Ярославская» писателя-ярославца А. Ф. Тарасова знакомит наших читателей с периодом жизни поэта в Грешневе, с бытом семьи Некрасовых. Публикация основана на архивных, ранее в основном малоизвестных материалах.

«СУДЬБЕ угодно было, — писал Некрасов в автобиографических набросках незадолго до смерти, — что я пользовался крепостным хлебом только до 16 лет, далее я не только никогда не владел крепостными, но, будучи наследником своих отцов, имевших родовые поместья, не был ни одного дня даже владельцем клочка родовой земли. Дело моих братьев сказать со временем, как это вышло».

Братья не сказали об этом ни слова. Попробуем сделать это, рассмотрим историю грешневской усадьбы и обстановку, в которой там протекала жизнь поэта.

В 1824 году Алексей Сергеевич, отец будущего поэта, вышел в отставку в чине майора и вместе с семьей приехал в Грешнево на постоянное жительство. Николаю Алексеевичу тогда было три года. Алексей Сергеевич занял барский дом на костромском конце села.

По документам Ярославского архива в 1829 году у него было 52 крепостных. Если учесть, что из них «мужеска пола» только 23 были взрослыми, 21 имели возраст до 16 лет, а 8 «душ» к 1829 году уже умерли, хотя и числились по ревизским сказкам, то материальные условия, в которых жила семья Некрасовых до отъезда Николая в гимназию, станут для нас ясными: перебивались с горем пополам. Алексей Сергеевич из всех братьев и сестер оказался самым пепким. Он-то и начал постепенно собирать воедино, прибирать к своим рукам родовое грешневское имение.

К концу 1850-х годов Алексей Сергеевич распорядился родовым грешневским имением уже почти единолично. Попробуем, пользуясь документами Ярославского архива и некоторыми другими источниками, представить себе, что же видел или мог видеть будущий поэт в эти годы в усадьбе отца.

В 1835 году в Ярославле проводились очередные торги на содержание ямщицы между Ярославлем и Костромой. Дорога проходила мимо Грешнева и упустить такой доходный заработок Алексей Сергеевич не мог — он вытратил торги. В начале 1836 года в «Ярославских губернских ведомостях» три раза печаталось объявление: «Желающие из

Некрасов в Грешневе

Анатолий ТАРАСОВ

гг. проезжающих доехать до Костромы на переменных лошадях в 6 часов за 15 рублей могут во всякое время относиться на Стрелецкой улице в доме г. Немова против театра к управителю г-ну Некрасову Максиму Никишину».

До Костромы по левому берегу Волги немногим более шестидесяти верст. Примерно на трети пути, в Тимохине, всего в четырех верстах от Грешнева, располагалась станция, где меняли лошадей. Их пригоняли из Грешнева. Очевидно, и в последующие годы, даже после 1847 года, когда Алексей Сергеевич попал под суд за то, что избил тимохинского станционного смотрителя Хабарова, он продолжал держать ямщину: объявления о «вольной гоньбе», аналогичные приведенному выше, публиковались в «Ведомостях» 1 января 1848 года, правда, цена была иная: «по 8 копеек, полагая на ассигнации, с лошади за версту».

Через год Алексей Сергеевич добавил к ней более доходную и выгодную службу: 19 мая 1837 года он вступил в должность исправника земского суда. Вот здесь-то уж он душевную свою потешил вволюшку — служба пришлась ему по характеру. И шестнадцатилетний Николай был тому свидетелем. Отец часто брал сына Николая в разъезды по делам службы; таким образом, будущий поэт присутствовал при различных сценах народной жизни, при следствиях, а иногда и при расправах в нравах прежнего времени. Нетрудно представить себе, каких сцен наблюдался впечатлительный юноша во время этих поездок.

Суд приехал... допросы... тошнехонько! — напишет он потом в стихотворении «Похороны», а в главе «Демущка» поэмы «Кому на Руси жить хорошо» нарисует страшную по своей беспощадности картину следствия о смерти мальчика:

...Становой
По горенке похаживал,
Как зверь в лесу порывался...
«Эй! женка! состояла ты
С крестьянином Савелием
В сожительстве? Винись!»
Я шепотком ответила:
«Обидно, барин, шутите!
Жена я мужу честная,
А старику Савелию
Сто лет... Чай, знаешь сам!»
Как в стойле конь подкованный
Затапал; о кленовый стол
Ударил кулаком:
«Молчать! Не по согласью
ли

С крестьянином Савелием
Убила ты дитя?..»

Недолго довелось Алексею Сергеевичу «порываться» по уезду. Через несколько месяцев после отъезда сына в Петербург, в январе 1839 года состоялись очередные дворянские выборы. Алексей Сергеевич первым выставил свою кандидатуру на должность исправника. Кроме него, были еще три кандидата. Видимо, за полтора года службы он так «поусердствовал», что уездное дворянство «прокатило» его на «воронных»: за его кандидатуру проголосовало только 8 человек против 20. На том дворянская служба его и кончилась...

В ГРЕШНЕВСКО И жизни мать будущего поэта Елена Андреевна — чуть ли не единственная светлая страница — сыграла исключительную роль. Положение ее в Грешневе было действительно трагическим: вдали от родных, под властью грубого, самодовольного, ни с кем не считавшегося мужа, в окружении псарей и забитой, запуганной дворни, в полном одиночестве (с соседями не общалась) — такой была ее жизнь до отъезда Николая в Петербург, такой и осталась до раннего и неясного для нас ее конца...

К сожалению, почти никаких документов о ней мы не имеем. Алексей Сергеевич поспешил, портрета ее не заказал. Воспоминания о ней были впервые записаны в 1901 году — через шестьдесят лет после ее смерти. Они-то, эти воспоминания, вместе со стихами поэта и стали для нас почти единственным источником.

Трагедия матери поэта не столько в крайностях поведения отца, сколько в типичности помещичьей жизни России тех лет. И Некрасов как поэт нового демократического направления, выступивший против крепостного угнетения, первым почувствовал это и откликнулся на эту трагедию страстными стихами.

Время неумолимо. За многие годы по местам, где родилась и жила Елена Андреевна до отъезда в Грешнево, несколько раз прокатилась война. Каких-либо документов о ней там сейчас не найти. Возле Абакумцевской церкви, в трех километрах от Грешнева, стоит одинокий памятник-obelisk белого мрамора, поставленный ей в 1860 году поэтом и его сестрой. В Карабихе хранится несколько стульев и зеркало из Грешневской усадьбы. Мо-

жет быть, в него смотрелась когда-то она...

В Ярославском архиве мне удалось разыскать единственный документ, подписанный ее рукой. К ревизским сказкам Алексея Сергеевича за 1834 год приложен листок на единственную крепостную — «девку Катерину Андреевну», принадлежавшую «помещице Елене Андреевне дочери, жене Некрасовой». «Сказка» эта написана женской рукой («сказки» на крепостных Алексея Сергеевича писаны другим почерком) и имеет внизу подпись: «К сей ревизской сказке майорша Елена Андреевна дочь, жена Некрасова руку приложила». Пока это — единственный подлинный документ-автограф матери поэта.

Слово «девка» не должно нас смущать. В то время оно не носило того пренебрежительного оттенка, какой имеет сейчас. Так, спустя три года, в 1837 году, даже дочь состоятельных родителей (но не дворянка), отправляясь за границу, сообщала об этом в такой форме: «Мологская мешанка девка Аксинья Ермолаева Ветрина отправляется за границу».

По ревизской сказке Катерине было 28 лет. Следовательно, в момент отъезда Некрасовых с Украины ей было 18. Очевидно, эту девушку и отправили с Еленой Андреевной ее родители, наказав служить ей и оберегать ее (наподобие пушкинского Савелича у Гринёва). Какую роль играла Катерина — единственная живая память о родителях — в жизни Елены Андреевны, как сложилась ее судьба после смерти хозяйки, мы не знаем.

...В 1841 году молодого поэта позвали из Петербурга в Грешнево: выходила замуж старшая сестра Елизавета. Он спешил на свадьбу, а попал к свежей могиле матери. Что с ней случилось, мы не знаем, вероятно, была здорова, если затевалась свадьба. Умерла неожиданно. Ее смерть ошеломяющей грозой прошла над Грешневым, на время примирив отца с сыном. Поэт прожил в Грешневе и Ярославле с начала августа до поздней осени 1841 года. И мать незримо присутствовала, жила во всем — вещах, в разговорах и поступках людей, в режиме дня: никто не смел нарушить установленный при ней порядок. И поэт не почувствовал еще вполне всей глубины утраты.

Он уезжает в Петербург. Четыре года напряженной

борьбы за место в литературном строю. Встреча Белинским. Начало прозрения: на мрачном фоне окружающей действительности начинают прорисовываться светлые идеалы, ради которых стоит бороться.

Поэт вновь едет на родину. Невеселыми «деревенскими новостями» встречает его Грешнево.

К могиле матери прибавилась могила сестры Елизаветы, умершей через год после свадьбы.

Очевидно, в этот приезд во время охоты, пригласив на нее сына, на глазах у него, Алексей Сергеевич избил арапником псара, упустившего зверя. Третий раз Николай Алексеевич заезжал в Грешнево в 1853 году, когда уже избрал для себя другой вид охоты — с ружьем и собакой.

Каких-либо документальных следов от этой поездки в Грешнево мы не знаем. Только на основании косвенных данных исследователи относят ее на август — сентябрь 1845 года. Если во время первой поездки, в 1841 году, Некрасов написал четыре письма, то сейчас, имея более широкий круг друзей, не отправил ни одного. Если в 1841 году он полон творческих планов — пишет водевиль, работает над повестью, обещает Ф. А. Кони статью о ярославской литературе, о концерте — то на этот раз не создает ничего.

В это время поэт стоял накануне решительного поворота. Под влиянием Белинского, бесед с Герценом, у которого только что побывал, в сознании Некрасова происходит «переоценка ценностей» — все окружающее проверяется критерием активного гуманизма.

Увиденные поэтом «деревенские новости» в совокупности своей, подобно вспышке грозового разряда, ярким светом осветили и прошлую, и настоящую грешневскую жизнь; они стали той последней каплей, которая помогла поэту ясно увидеть сущность крепостничества.

Уезжая из Грешнева, поэт бросает по адресу отца дома гневные слова:

И вот они опять, знакомые места,
Где жизнь отцов моих,
Бесплодна и пуста,
Текла среди пиров,
Бессмысленного чванства,
Разврата грязного
и мелкого тиранства;
Где рой подавленных и
трепетных рабов
Завидовал жизнью последних
барских псов,
Где было суждено мне
божий свет увидеть,
Где научился я терпеть
и ненавидеть...

За этой личной болью, личной трагедией видится трагедия всей мыслящей, ищущей России.